

**НЕПОСЕССИВНЫЕ ФУНКЦИИ ПОКАЗАТЕЛЯ
ПОСЕССИВНОСТИ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА
В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ГОВОРЕ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА**

Н. Н. Логвинова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург,
natalielo009@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье на материале полевых данных предпринимается попытка описания непосессивных функций (субстантивации, маркирования референциального статуса) посессивного показателя 3-го лица в малокарачкинском говоре чувашского языка. Здесь этот аффикс представлен двумя алломорфами — *-i* и *-ə / -ë* (распределение вариантов последнего показателя определяется сингармонизмом по ряду). Несмотря на то, что существуют морфонологические критерии распределения обсуждаемых показателей, в некоторых контекстах алломорфы демонстрируют различную семантику и свойства. Кроме того, в ряде словоформ допустимым оказывается двойное употребление рассматриваемых показателей в разной функции.

Ключевые слова: чувашский язык, посессивность, определенность, артиклевые функции посессивных показателей, субстантивация.

**Non-possessive functions of the third person possessive
in Maloe Karachkino dialect of Chuvash**

N. N. Logvinova

National Research University Higher school of Economics —
St. Petersburg,
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Science,
St. Petersburg
natalielo009@gmail.com

Abstract. This article aims to describe the non-possessive functions of the third person possessive affix in the Maloe Karachkino

dialect of Chuvash. It is known from the literature on standard Chuvash that in addition to indicating possessive relation to the third person, possessive marker allomorphs *-i* and *-ë* are used to mark noun phrases with the null head or head ellipsis (thus serving as a *substantivizer* in traditional terms) and demonstrate a range of functions typical of the definite article (so called *kategoriya vydeleniya* — category of emphasis). The disputable trait of this marker consists in fact that according to the existing descriptions its allomorph *-i* has a wider distribution and is semantically specialized to serve as a marker of category of emphasis, which has made several authors to suggest it to be a separate morpheme. In the present article an attempt is made to investigate this assumption on the elicitation data collected during the field trips to Maloe Karachkino in 2017–2019. Section 2 of the article is dedicated to the description of morphological conditions on the distribution of *-i* and *-ə / -ë* variants (unlike in standard Chuvash, in Maloe Karachkino dialect the *-ë* allomorph has different realizations, *-ə* and *-ë*, depending on the backness of the stem vowels). According to the general rule, *-i* is expected after the stems ending in a vowel, while the *-ə / -ë* attaches to the consonant-final. The following section presents a probable model of the wordform containing several third person possessive morphemes with different functions. Section 4 investigates article-like usages of the *-i* and *-ə / -ë* morphemes. As data shows, distribution of these markers in this domain fully falls under the morphological rule. Chuvash third person possessive marker is claimed to appear in the following contexts typical of markers of definiteness: marking of the anaphorical NPs and NPs referring to a member chosen from the specific group, as well as of the NPs connected to the previous discourse through bridging. In all of these contexts the usage of definiteness marker is optional. Section 5 provides an overview of the cases where *-i* and *-ə / -ë* affixes serve as substantivizers. It is shown that the presence of the affix under discussion is not obligatory in some cases and that when substantivizing adjectives *-i* can be seen instead of *-ə / -ë*. In the final section the cases of multiple assignment of the third person possessive affix are discussed.

Keywords: Chuvash, possession, non-possessive functions, definiteness, substantivization.

1. Введение

В настоящей статье рассматриваются непоссесивные функции алломорфов *-i* и *-ə / -ë*¹ притяжательного аффикса 3-го лица в малокарачкинском говоре чувашского языка². Употребление аффикса поссесивности 3-го лица в чувашском языке не ограничивается притяжательными контекстами. Со времен грамматики Н. И. Ашмарина [Ашмарин 1898: 132–141, 169, 172] в литературе в разных терминах описываются по крайней мере еще две функциональные зоны, охватываемые этим показателем: выражение определенности (ср. «категория выделения» [Павлов 1985]) и маркирование именных групп с нулевой вершиной (т. н. субстантивация [Павлов (отв. ред.) 1957]).

Формы с поссесивным маркером 3-го лица в малокарачкинском чувашском служат для выражения базовых отношений принадлежности [Aikhenvald, Dixon 2013: 3]: обладания, отношений 'часть — целое', родственных отношений, а также для обозначения авторства и некоторых других, см. [Ремизова 2018]. В поссесивной конструкции возможны две модели маркирования — вершинная и вершинно-зависимостная (в терминах [Nichols 1986]):

---

¹ Кроме указанных показателей, в качестве маркеров принадлежности третьему лицу в малокарачкинском говоре выступают также аффиксы *-ɣë* и *-ɣë̃*, которые употребляются только с некоторыми терминами родства, а также в составе собирательных числительных. Распределение алломорфов *-ə* и *-ë* обусловлено сингармонизмом по ряду в чувашском языке. Проблема распределения алломорфов *-i* и *-ə / -ë* посвящен раздел 2.

² Представляемые в статье материалы были собраны в ходе трех экспедиций НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) в с. Малое Карачкино Ядринского р-на Чувашской Республики в 2017–2019 гг. Я благодарю А. В. Савельева за ценные комментарии, высказанные по поводу предыдущей версии данной статьи и учтенные мной при редактировании, анонимного рецензента, указавшего на объективно слабые стороны и тем способствовавшего пересмотру некоторых ключевых моментов, и М. А. Холодилову за помощь и многочисленные консультации в полевой работе и при подготовке статьи. Я также благодарна всем переводчикам и особенно Р. Н. Максимовой за ее готовность помогать. Я полностью принимаю на себя ответственность за все недочеты, допущенные в финальной версии работы.

показатель посессива 3-го лица маркирует обладаемое, являющееся вершиной именной группы, а обладатель выражается приименным зависимым в генитиве или немаркированной форме, как в примере (1)³.

- (1) *poskil(-ĕn)*   *xĕr-ĕ*   / *xĕr viŝ
 сосед-GEN   дочь-P_3   дочь   три
stakan tĕaj eĕ-r-ĕ
 стакан чай   пить-PST-3SG
 ‘Дочь соседа выпила три стакана чая’.

Кроме употребления в посессивных конструкциях, обсуждаемый показатель также используется для маркирования синтаксического статуса таких именных групп, в которых позицию вершины занимает не существительное, а словоформа другого класса, или существительное в падежной форме, не соответствующей требованиям настоящего синтаксического контекста (см. раздел 5). Эта функция в настоящей статье называется функцией **маркирования нулевой именной вершины**. Под этим определением понимаются одновременно случаи собственно субстантивации, т. е. такого преобразования, в результате которого некоторая несубстантивная словоформа получает возможность принимать граммы существительного и занимать свойственные существительному синтаксические позиции (ср. рус. *умный в гору не пойдет*; см. *substantivization* ‘субстантивирование’ в [Giannakodou, Stavrou 1999] и *empty noun* ‘пустое существительное’ в [Saab 2018]), а также случаи именного эллипсиса (ср. рус. *ты ему слово — он тебе десять*). Возможные формальные различия субстантивации и эллипсиса описаны в [Hankamer, Sag 1976; Saab 2018: 530–531].

Формы, способные занимать позицию вершины именной группы в отсутствие в ней лексического существительного, различаются по тому, возможно ли и обязательно ли для них присоединение посессивного показателя в роли субстантиватора. Прилагательные и причастные формы настоящего времени на *-agan* / *-egen* и отрицательные на *-man* / *-men*, как показывают

³ При выборе обозначений для глосс я пользуюсь конвенциями, принятыми в экспедиционном проекте по исследованию чувашского языка НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург).

примеры (2)–(3), не нуждаются в дополнительном маркировании и могут выполнять роль вершины ИГ в отсутствие формального показателя субстантивации, а могут присоединять показатель принадлежности 3-го лица без, казалось бы, существенного изменения семантики⁴. Так, пример (2а) показывает, что при наличии управляющего существительного *olma* ‘яблоко’ зависимое прилагательное не может принимать аффиксы *-i* или *-ë / -ə*. В случае, если вершина эллидирована (2б) или вообще не подразумевается (2в), присоединение показателя посессивности к прилагательному возможно, но не является необходимым.

(2а) *simës* / *simës-i / *simëz-ë *olma*
 зеленый зеленый-Р_3 / зеленый-Р_3 яблоко
 ‘зеленое яблоко’

(2б) *xërlë* *olma* *tutlə*, *simës*
 красный яблоко вкусный зеленый
 / *simës-i* / *simëz-ë* — *tutlə* *mar*
 зеленый-Р_3 зеленый-Р_3 вкусный NEG_ASCR
 ‘Красное яблоко вкусное, зеленое — невкусное’⁵.

⁴ Предполагаемые различия между формами с разными вариантами аффикса обсуждаются в разделе 6 настоящей статьи.

⁵ Анонимный рецензент отмечает, что в примерах типа (2б) показатель посессивности может маркировать не нулевую вершину, а образование элективной конструкции с эллидированной ИГ множества выбора (*зеленое из яблок*). Именно такой анализ предлагается для аналогичных (2б) тубаларских примеров в [Гращенко 2009]. В тубаларском элективные и посессивные ИГ имеют идентичную структуру: ИГ посессора и ИГ множества выбора получают генитивное маркирование, в то время как ИГ посессума и ИГ выбираемого множества маркируются аффиксом посессивности 3-го лица. Это делает возможным унифицированный анализ для структур типа (i), присутствие посессивного показателя 3-го лица, в которых объясняется наличием в структуре нулевой генитивной ИГ, соответствующей «большему» множеству.

(i) [DP[∅]] *eki-nči-zi* *padmaskovje* *ürön-en*
 (из детей) два-ORD-3 Подмосковье учиться-PFCT
 ‘Второй (из детей) учится в Подмосковье’. [Гращенко 2009: 160]

По-видимому, аналогичный анализ для обсуждаемых в настоящей статье чувашских конструкций невозможен. Во-первых, в чуваш-

(2в)	<i>san-a</i>	<i>simës</i>	/ <i>simëz-ë</i>	/ <i>simës-i</i>
	ты-OBJ	зеленый	зеленый-P ₃	зеленый-P ₃
	<i>itla-rak</i>	<i>kilëz-et</i>		
	лишний-CMPR	нравится-NPST[3SG]		
	‘Зеленое тебе идет больше’.			

Пример (3) демонстрирует аналогичное поведение причастной формы настоящего времени на *-agan* / *-egen*:

(3)	<i>per-e</i>	<i>xirëc</i>	<i>kil-egen</i>	/ <i>kil-egen-ë</i> —
	мы-OBJ	напротив	идти-PC_PRS	идти-PC_PRS-P ₃
	<i>man</i>	<i>pitei</i>		
	я.GEN	брат		
	‘Идущий нам на встречу — мой брат’.			

То же правило соблюдается и при несубъектной позиции безвершинной ИГ: падежные показатели в случае субстантивации могут присоединяться напрямую к основе прилагательного или к аффиксу посессивности, который, таким образом, не является обязательным:

ском невозможно генитивное кодирование ИГ (во мн. ч.), обозначающей множество выбора, вместо этого используется кодирование аблативным падежом, который, как отмечается в уже упомянутой статье [Гращенков 2009], в тюркских языках не имплицитно притяжательных показателей на вершине.

(ii)	<i>*këbe-zen</i>	/ <i>këbe-zen-dzen</i>	<i>simës</i>
	платье-PL[GEN]	платье-PL-ABL	зеленый
	/ <i>simës-i</i>	/ <i>simëz-ë</i>	<i>san-a</i> <i>itla-rak</i>
	зеленый-P ₃	зеленый-P ₃	ты-OBJ лишний-CMPR
	<i>kilëz-et</i>		
	нравиться-NPST[3SG]		
	‘Из платьев тебе больше всего идет зеленое’.		

Следовательно, чувашские ИГ с эллипсисом в примерах типа (2б) структурно устроены иначе, чем посессивные ИГ этого языка.

Вторым значимым аргументом против такого анализа, на наш взгляд, является наличие грамматичных примеров типа (2в), в которых никакое конкретное множество выбора (любая одежда / ткани и др.) вообще не подразумевается и, следовательно, не может быть восстановлено.

- (4) *gorə san-a simës-ren / simëz-ën-tzen*
 белый ты-OBJ зеленый-ABL зеленый-P_3-ABL
itla-rak kilëš-et
 лишний-CMPR нравиться-NPST[3SG]
 ‘Белое тебе идет больше, чем зеленое’.

В то же время другие словоформы, способные выступать в качестве зависимых в именной группе (причастия прошедшего времени на *-në / -nə* и долженствования на *-mali / -meli*, зависимые существительные в косвенных падежах (типа *poskil-ën* ‘соседей’ или *vərman-da* ‘в лесу / лесной’), послелого, формы сравнительной степени прилагательных, количественные и порядковые числительные, а также копулы *çok* ‘нет’ и *por* ‘есть’, всегда получают маркер принадлежност 3-го лица, если выступают в роли именной вершины. Так, в примере (5) причастие прошедшего времени *kil-në* ‘пришедший’ не может употребляться в позиции вершины именной группы без показателя принадлежности третьего лица, в отличие от формы причастия настоящего времени, приводимой в примере (3):

- (5) *kil-n-i / *kil-në nomaj çënë*
 идти-PC_PST-P_3 идти-PC_PST много новый
peł-ze jol-at
 знать-CV_SIM оставаться-NPST[3SG]
 ‘Тот, кто пришел (пришедший), узнал много нового’.

В примере (6) синтаксической субстантивации подвергается группа с неименной вершиной, выраженной отрицательным экзистенциальным показателем *çok*, а в примере (7) — послеложная группа с послелогом *xiçəndza* ‘сзади’. Как и в примере (5) выше, опущение показателя субстантивации в обоих случаях неграмматично:

- (6) [*kil-de aɕza çok-i-zem / *çok-sem*]
 дом-LOC ребенок NEG_EX-P_3-PL NEG_EX-PL
podarək il-m-eteë
 подарок брать-NEG-NPST.3PL
 ‘Те, у кого дома нет детей, не покупают подарки’.

- (7) [pørt *xie-ən-dz-i-zem* / *xie-ən-dza-zam] *man-a*
 дом зад-Р_3-ЛОС-Р_3-PL зад-Р_3-ЛОС-PL я-OBJ
këd-etëë
 ждать-NPST.3PL
 {Кто там за домом?} — ‘Те, кто за домом, ждут меня’.

Наконец, в [Ашмарин 1898: 172; Федотов 1970; Павлов 1985 и др.] приводятся многочисленные примеры, где аффиксы *-i* (преимущественно) и *-ë / -ə* (маргинально) выступают в значении, сходном со значением артикля в некоторых европейских языках, т. е. выполняют функцию маркирования референциального статуса участника, которую мы далее будем называть функцией маркирования **определенности**. Пример (8), привлекаемый из записей нарратива по фильму “The Pear Film” [Chafe 1980], иллюстрирует именно такой случай употребления обсуждаемого аффикса в малокарачкинском говоре — здесь показатель посессива выполняет анафорическую функцию, маркируя участника ситуации, ранее введенного в дискурс:

- (8) *on-d-ak arzin atëa vëlasipet-pa*
 он-ЛОС-EMPH мужчина ребенок велосипед-INS
gaj-at. arzin atë-i on
 идти-NPST[3SG] мужчина ребенок-Р_3 он
bat-n¹-a gil-et
 близость-Р_3-OBJ идти-NPST[3SG]
 ‘Там едет мальчик на велосипеде. Этот мальчик подъезжает к нему {человеку, который собирает груши}’.

Как будет показано в разделе 4, подобные употребления показателя посессивности 3-го лица в изучаемом говоре встречаются довольно широко. Вместе с тем использование обсуждаемого аффикса невозможно в контекстах с нереферентным участником и спорно, хотя и не исключено, в контекстах с неопределенным участником, как в примерах (9) и (10) соответственно.

- (9) *ein* / *ein-ë / *ein-i *vilëm-lë*
 человек человек-Р_3 человек-Р_3 смерть-PROP
 ‘Человек смертен’.
- (10) *tëmle ein* / [?]/_{OK} *ein-ë* / [?]/_{OK} *ein-i on-a*
 какой-то человек человек-Р_3 человек-Р_3 он-OBJ

uže tu-za
уже делать-CV_SIM
‘Какой-то человек уже сделал это’.

В примере (11) ниже аффикс посессива 3-го лица маркирует существительное с местоименным модификаторами *man* ‘мой’, что свидетельствует, с одной стороны, о невозможности интерпретировать аффикс посессивности в этих примерах как показатель отношения принадлежности 3-му лицу, а с другой — о несохранении различия в лице посессора в референциальных употреблениях посессива, что, в свою очередь, можно рассматривать в качестве косвенного свидетельства начала грамматикализации этого показателя в обсуждаемой функции:

- (11) *kriltsa ein-dze san tada man kozak-sam*
крыльцо верх-P_3-LOC ты.GEN и я.GEN кошка-PL
lar-za, man kozak /^{OK}kozag-a man
сидеть-CV_SIM я.GEN кошка кошка-P_3 я.GEN
bat-n¹-a teop-sa pir-te-a
у-P_3-OBJ бежать-CV_SIM идти-PST-3SG
‘На крыльце сидели твоя и моя кошка. Моя кошка подбежала ко мне’.

Этот класс употреблений принято, вслед за [Павлов 1985], относить к т. н. особой «категории выделения», а аффикс *-i* (и преимущественно именно *-i*, хотя примеры с алломорфом *-ë*⁶ также встречаются у разных авторов), начиная с [Павлов (отв. ред.) 1957: 63–64, 81–82], в литературе характеризуется как «выделительный аффикс». При этом описание этого показателя проводится отдельно от показателей посессивности [Павлов 1985], а в статье И. А. Андреева «О категории дефинитивности в чувашском языке» [Андреев 1965: 81–82] «выделительный аффикс» *-i* даже характеризуется как омонимичный посессивному показателю 3-го лица, при этом оснований для разграничения двух морфем не приводится. Этим подход грамматики [Павлов (отв. ред.) 1957] и последующих работ отличается от описания

⁶ В литературном чувашском алломорф посессивного показателя 3-го лица *-ë* не подчиняется сингармонизму по ряду, в отличие от соответствующего показателя в малокарачкском говоре.

Н. И. Ашмарина, который полагал, что маркирование дискурсивного статуса входит в сферу функционала собственно посессивного показателя 3-го лица [Ашмарин 1898: 173–174].

В работе [Luutonen 2011: 55–56], по всей видимости, впервые подчеркивается, что в большинстве существующих работ по чувашской грамматике между перечисленными контекстами употребления аффиксов *-i* и *-ĕ* (выражение принадлежности, маркирование групп с нулевой именной вершиной и выражение определенности) не проводится четкой границы. Й. Луутонен отмечает, что в литературе, последовавшей за коллективной грамматикой [Павлов (отв. ред.) 1957], многие формы, охарактеризованные в этой грамматике, как формы с посессивным показателем 3-го лица, были реклассифицированы как формы с показателем «категории выделения». При этом к примерам с «выделительным аффиксом» относят не только дискурсивные употребления обсуждаемого показателя, но и такие употребления, которые мы в настоящей статье описываем как субстантивные (см. примеры в [Сергеев 2002: 125]).

Таким образом, по-видимому, по сей день нерешенными остаются два вопроса: 1) являются ли посессивный аффикс 3-го лица с алломорфами *-i* / *-ĕ* и маркер «категории выделения» *-i* [Павлов 1985] одним показателем с морфонологически распределенными алломорфами или разными показателями (синхронно и диахронически) и 2) каким образом в случае существования отдельных показателей они распределены в перечисленных функциональных зонах посессивности, субстантивации и определенности.

Начать обсуждение этих вопросов стоит с обращения к истории развития обсуждаемых показателей. Й. Луутонен [Luutonen 2011] проводит подробный разбор предполагаемых когнатов чувашского «номинализатора» (*nominalizer*) *-i* в турецком (*-ki*), татарском (*-qĭ* / *-xĭ*) и некоторых древних тюркских языках и на основании проведенного анализа со ссылкой на [Ramstedt 1952: 234] предлагает считать чувашский показатель *-i* в явно непосессивных контекстах производным общетюркской морфемы *-KI*, которой присущи одновременно и функции субстантиватора, и функции определенного маркера [Luutonen 2011: 21, 52]. При этом наблюдаемая омонимия показателя посессивности и показателя субстантивации рассматривается Й. Луутоненом вслед за

[Benzing 1959] как результат нейтрализации морфемного различия между двумя аффиксами.

Относительно генезиса собственно посессивного показателя с алломорфами *-i*, *-ë* в известных нам трудах по чувашской исторической морфологии удовлетворительных сведений не представлено. А. И. Иванов [Иванов 1970: 67–70] отмечает относительно недавнее происхождение этих показателей по сравнению с показателями посессивности 1-го и 2-го лица, которые аналогичны соответствующим суффиксам в других тюркских и, по всей видимости, происходят от личных местоимений. Распределение чувашского посессивного показателя *-i* отличается от дистрибуции посессива 3-го лица *-i* в других тюркских языках тем, что чувашский показатель присоединяется исключительно к основам на гласный, в то время как общетюркский *-i* модифицирует основы только на конечный согласный [Левитская 1976: 14–16; Erdal 2004: 160–162]. В [Федотов 1983: 49], а также в [Дыбо 2006: 238] со ссылкой на [Рамстед 1957] чувашский посессив *-i* возводится к тунгусо-маньчжурскому личному местоимению 3-го лица, однако обоснования такой реконструкции не представлены ни в одной из работ.

Таким образом, в литературе не находится не только однозначного объяснения факту полисемии, демонстрируемой аффиксами *-i* и *-ë*, но и не содержится исчерпывающей и однозначной информации о происхождении и развитии этих показателей, что оставляет возможность предполагать несколько возможных путей, приведших к наблюдаемой синхронно системе.

Значимым аргументом в пользу теории о различном статусе показателей посессива и аффикса «категории выделения» является факт несимметричного распределения алломорфов *-i*, *-ë* в литературном чувашском. Так, согласно существующим описаниям, функцию субстантиватора преимущественно выполняет аффикс *-i*, а *-ë* практически не представлен в этой зоне и употребляется только с очень небольшим кругом прилагательных [Ашмарин 1898: 165; Павлов (отв. ред.) 1957: 103]. Это обстоятельство в некоторой степени свидетельствует в пользу выводов, сделанных Й. Луутоненом о том, что контексты субстантивации и определенности в чувашском обслуживаются специальным показателем-когнатом общетюркской морфемы *-KI*.

С другой стороны, набор обозначенных функций не является типологически редким для показателя посессивности. Так, известно, что посессивный показатель 3-го (а иногда и 2-го лица) используется в роли маркера определенности во многих уральских [Faurud 2001; Nikolaeva 2003; Кузнецова 2012] и в некоторых тюркских, а также других алтайских языках [Кузьменко 2014: 88]. В работе [Huehnergard, Pat-El 2012] приводятся свидетельства наличия функций показателя референциального статуса у показателя посессивности 3-го лица в четырех семитских языках. Типологически неуникально также совмещение функций посессивности и субстантивации. Так, в статье [Кузьменко 2014: 90] указывается, что функция субстантивации в целом характерна для развивающихся артиклей и имеется у всех показателей притяжательности в языках, обладающих этой категорией, в качестве иллюстрации при этом приводятся примеры только из чувашского. Однако, например, в [Сердобольская 2017: 95] отмечается использование посессивного показателя 3-го лица в контекстах с нулевой именной вершиной в удмуртском языке. Таким образом, с точки зрения типологии, постулирование в чувашском языке отдельной «категории выделения» выглядит по крайней мере излишним, так как все перечисленные значения отмечаются у притяжательных показателей в целом ряде неродственных языков.

Далее в настоящей статье будет предпринята попытка анализа зоны функционирования алломорфов посессивного показателя 3-го лица в малокарачкинском говоре чувашского языка. В статье мы преследуем следующие цели. Во-первых, описать основные зоны функционирования маркеров определенности и субстантивации в изучаемом идиоме на основе типологических данных о соответствующих категориях. Во-вторых, установить, существуют ли в малокарачкинском говоре различия в дистрибуции алломорфов *-i* и *-ə / -ë*. Эта задача основана на представлении, что если непосессивные употребления в действительности свойственны преимущественно алломорфу *-i*, возводимому к показателям «категории выделения», то дистрибуция аффиксов в части употреблений не должна быть обусловлена только морфонологическими требованиями.

Работа структурирована следующим образом. В разделе 2 мы рассмотрим морфонологию показателей *-i* и *-ə / -ë* в мало-

карачкинском чувашском. В разделе 3 приведена возможная модель словоформы с несколькими показателями посессивности 3-го лица. Раздел 4 посвящен описанию основных контекстов употребления форм, маркированных суффиксами *-i*, *-ə* / *-ë* в значении показателей определенности. В разделе 5 освещается способность посессивного показателя 3-го лица функционировать в роли субстантиватора. Раздел 6 содержит анализ словоформ, сочетающих в себе несколько показателей посессива в предположительно различных функциях. Раздел 7 завершает работу и кратко суммирует основные выводы, сделанные в статье.

2. Морфонология

Согласно Н. И. Ашмарину [Ашмарин 1898: 375], выбор алломорфа посессивного аффикса 3-го лица в малокарачкинском говоре определяется главным образом свойствами конечного звука производящей основы. В целом можно сказать, что сделанные Н. И. Ашмариным выводы справедливы для синхронно наблюдаемой в малокарачкинском говоре системы. Таблица 1 суммирует существующие на данный момент сведения о морфонологии показателя посессивности 3-го лица в малокарачкинском говоре.

Таблица 1. Морфонологические свойства посессивного показателя 3-го лица в малокарачкинском говоре

Table 1. Morphological properties of the 3rd person possessive suffix in Maloe Karachkino Chuvash

-i(n)	-ə / -ë(n)
$\_V + i = V \rightarrow \emptyset, \_i,$ если $V \neq i / u / y$	$\_C + ə / -ë = \_C(-ə / -ë)$ $\_i / u / y + ə / -ë = \_ (i / u / y)j(ə / ë)$
Если гласный в конечном сочетании VCV — неполного образования, то при добавлении показателя посессивности конечный согласный — глухой, в остальных случаях — звонкий.	Вызывает озвончение предшествующего глухого согласного, если тот не входит в кластер шумных. Согласные <i>t</i> и <i>d</i> в сочетании с аффиксом аффрикатируются: $t / d + ə / -ë = tɕ(ë / ə).$

Из Таблицы 1 видно, что алломорф посессивного показателя 3-го лица *-i* употребляется со всеми основами, оканчивающимися на гласный, кроме основ на гласные *i / u / y*. При этом конечный

гласный основы удаляется, а предшествующий согласный озвончается. Исключение составляют основы, в которых конечный гласный является редуцированным — в этом случае глухость согласного сохраняется и перед *-i*. Алломорфы *-ə / -ë* употребляются во всех оставшихся контекстах и распределены в соответствии с рядом гласных основы. Основы, оканчивающиеся на *i / u / y*, перед показателем посессивности *-ə / -ë* приобретают вставной йот. Распределение показателей иллюстрируется примерами ниже:

(12a) <i>koʒak</i> кошка 'кошка'	(12б) <i>on-ən koʒag-ə</i> он-GEN кошка-P_3 'его кошка'	<i>/*koʒak-i</i> кошка-P_3
(13a) <i>pəru</i> теленок 'теленок'	(13б) <i>on-ən pəruj-ə</i> он-GEN теленок-P_3 'его теленок'	<i>/*pər-i</i> теленок-P_3
(14a) <i>laʒa</i> лошадь 'лошадь'	(14б) <i>on-ən laʒ-i</i> он-GEN лошадь-P_3 'его лошадь'	<i>/*laʒaj-ə</i> лошадь-P_3

Склонение форм с маркером посессивности 3-го лица также имеет в малокарачкинском говоре ряд особенностей, отличающих его от литературной системы. Во-первых, перед показателями объектного падежа, локатива и аблатива обязательна вставка *-n-*: *laʒ-in-e_{OBJ}*⁷ 'его лошадь(и) / эту(этой) лошадь(и)'. При этом вариант аффикса *-ə / -ë* перед показателем объектного падежа (*-a / -e*) исчезает, а вставное *-n-* палатализуется и формально служит единственным маркером посессива: *koʒak-nⁱ-a_{OBJ}* 'его кошку(е) / эту (этой) кошку(е)'. Во-вторых, аффиксы локатива (*-ta / -te*) и аблатива (*-tan / -ten*) после вставного *-n-* принимают вид *-ɕA* и *-ɕAn* соответственно: *laʒ-in-ɕen_{ABL}* 'от его лошади / от этой лошади'.

3. Отправные точки. Предполагаемая модель словоформы

Можно полагать, что значимым шагом на пути к выяснению природы показателей *-i*, *-ə / -ë* в малокарачкинском чувашском и возможной их дифференциации было бы, с одной сторо-

⁷ В чувашском показатели прямого и косвенного дополнения совпадают.

ны, (1) рассмотрение дистрибуции этих показателей внутри зон субстантивации и определенности, а с другой — (2) тестирование таких контекстов, где ожидалось бы совмещение трех значений (субстантивация, посессивность и определенность), т. к. именно в таких случаях можно ожидать присутствия в одной словоформе нескольких морфем, каждая из которых несет собственное грамматическое значение.

Второе из высказанных предположений требует следующего теоретического замечания. Хорошо известно, что одновременное выражение посессивности и определенности в пределах одной именной группы допустимо не во всех языках. Так, К. Лайонз в [Lyons 1999: 24, 130–134] разделяет все артиклевые языки (к артиклевым К. Лайонз относит и языки с аффиксальными показателями определенности / неопределенности) на два типа: языки с детерминативными генитивами (DG-languages) и адъективными генитивами (AG-languages⁸). Разница между двумя типами заключается в позиции, которую занимает посессивный показатель: в языках с детерминативными генитивами, например в английском, посессор занимает позицию детерминатива, поэтому определенный артикль в составе той же словоформы исключен: *my book* (*the my book) ‘моя книга’. В языках с адъективными генитивами (например, в итальянском) посессор, по мнению К. Лайонза, занимает позицию адъективного модификатора или иную позицию, поэтому артикль реализуется так же, как и в его отсутствие: *il mio libro* ‘эта моя книга / the my book’ или *un mio libro* ‘одна из моих книг / a my book’. Для языков с генитивами детерминативного типа характерно кумулятивное выражение значений принадлежности и определенности, в то время как в языках с атрибутивными генитивами возможно выражение этих категорий посредством двух разных показателей. Описанная теория позволяет предположить, что если чувашский в действительности относится к языкам с адъективными генитивами, в нем может оказаться возможным некумулятивное выражение категорий определенности и посессивности в одной словоформе, и наоборот, если перед нами язык с детерминативными генитивами, то одновременное маркирование посессивности и определенности различными показателями должно быть невоз-

---

⁸ DG — determiner-genitive, AG — adjectival-genitive [Lyons 1999: 24].

можным. Далее в настоящей статье будут представлены данные, указывающие на справедливость первого из этих предположений.

Нерешенной к данному моменту остается проблема иерархизации показателей субстантивации, посессивности и определенности в одной словоформе. Избранный в настоящей работе подход опирается на классические представления о порядке следования морфем в словоформе, согласно которым формальная близость морфологических составляющих отражает их концептуальную релевантность: чем больше морфема влияет на семантические и грамматические свойства результирующей словоформы, тем ближе к основе она располагается (см. [Bybee 1985: 33; Wunderlich, Fabri 1994: 247–249]). Исходя из описанного принципа, показатель субстантивации должен располагаться ближе всего к принимающей основе, т. к. процесс субстантивации затрагивает наиболее базовые свойства словоформ, такие как синтаксическая дистрибуция, а также словоизменительный и деривационный потенциал. Напротив, грамматические категории посессивности и определенности, очевидно, оперируют свойствами гораздо менее постоянными и более связанными с дискурсом. В отношении иерархизации граммем посессивности и определенности мы полагаемся на принятое в рамках генеративного подхода расположение функциональной проекции детерминатива над проекцией посессива [Giorgi, Longobardi 1991; Лютикова 2016: 127].

Основываясь на сказанном выше, следует полагать, что словоформа с несколькими показателями посессивности 3-го лица с разным функционалом должна в целом отвечать модели, представленной на Рис. 1.

Рис. 1. Модель словоформы с множественными показателями

Fig. 1. The model of the wordform with multiple possessive suffixes

Представленная на Рис. 1 модель отражает предполагаемый порядок взаимодействия словоформ, относящихся к различным лексическим классам, с граммемами, отвечающими за субстантивацию, указание на наличие посессивного отношения и определенность. Модель предсказывает, что для существительных и местоимений-существительных (типа *mèn=de bolin* ‘что-нибудь’), не нуждающихся в субстантивации, максимально возможное количество показателей 3-го лица в одной словоформе равно двум (при этом каждый из них факультативен). Для словоформ остальных лексикоморфологических классов теоретически возможно присутствие в словоформе до трех аффиксов принадлежности 3-го лица. При этом в случае с третьим классом лексем («Прочие формы» на Рис. 1) способность выражать категории посессивности и определенности является следствием перехода этих лексем в класс субстантивов, поэтому наличие в словоформе показателя, отвечающего за субстантивацию, обязательно, в то время как граммемы посессивности и определенности факультативны.

Забегая вперед, укажем на примеры (15)–(16) ниже, которые иллюстрируют случаи совмещения нескольких показателей посессивности в одной словоформе, наблюдаемые в малокарачкском чувашском и частично подтверждающие теоретические предположения, высказанные выше. Так, пример (15) иллюстрирует словоформу, имеющую, по-видимому, одновременно и показатель субстантивации, и показатель определенности, а пример (16) — словоформу, маркированную показателем посессивности 2-го лица и показателем определенности.

(15) *korda* *ei-n-dze* *xora-ba* *şorə* *kozak*
 забор верх-P_3-LOC черный-INS белый кошка
lar-a-təə. *xor-ij-ë* *əvən-at*
 сидеть-NPST-3PL черный-P_3-P_3 умываться-NPST[3SG]
 ‘На заборе сидят черный и белый кот. Черный умывается’.

(16) *ep* *oram-ba* *san* *jidə* *kor-d-əm.*
 я улица-INS ты.GEN собака видеть-PST-1SG
san *jüt-uj-ə* *vër-me* *poşla-r-ə*
 ты.GEN собака-P_2SG-P_3 лаять-INF начинать-PST-3SG
 ‘Я на улице увидел твою собаку. Твоя собака начала лаять’.

Вместе с тем, вопреки предсказанию схемы на Рис. 1, в исследуемом говоре сочетание трех показателей посессивности 3-го лица в одной словоформе невозможно. Более подробный анализ форм с несколькими аффиксами будет дан в разделе 6 настоящей статьи.

4. Определенность

В первую очередь отметим, что распределение показателей определенности в малокарачкинском чувашском всегда происходит в соответствии с морфонологическими правилами, представленными в Таблице 1 выше. То есть алломорф *-ə / -ĕ* всегда присоединяется к двум видам основ — на согласный и на *u / y / i* (с изменением основы в *uj / yj / ij*), — а алломорф *-i* присоединяется только к основам на гласный (кроме *u / y / i*) с удалением исходного гласного основы (см. примеры (12)–(14) выше).

Теперь обратимся непосредственно к уточнению дистрибуции посессивного показателя в роли показателя определенности в малокарачкинском говоре. Как будет показано ниже, аффикс принадлежности в функции показателя определенности используется в анализируемом говоре достаточно широко, однако **не является обязательным в большинстве контекстов**. Подобная же картина наблюдается в дистрибуции посессивов как показателей определенности во многих уральских [Simonenko 2014] и по крайней мере некоторых семитских языках [Huehnergard, Pat-El 2012]. Последнее обстоятельство можно было бы рассматривать как свидетельство низкой степени грамматикализации посессивного показателя в функции маркера определенности (о значимости критерия обязательности для процесса грамматикализации см. [Lehman 2002: 112–128]). Однако более верным представляется подход, предлагаемый в [Fraurud 2001]. К. Фрауруд приводит диахронические свидетельства того, что уральские и тюркские (рассматривается только материал турецкого) показатели посессивности в функции маркеров определенности не только не стали использоваться чаще (что ожидалось бы, находишь они на пути грамматикализации), чем в реконструируемом прауральском (с опорой на [Janhunen 1981: 32]) или старотурецком (с опорой на [Ergin 1983: 225]), но даже демонстрируют меньшую степень регулярности употребления в этом контексте на синхронном уров-

не. На основании этого наблюдения К. Фрауруд отказывается от гипотезы о том, что обсуждаемые показатели стремятся к тому, чтобы стать частью собственно грамматической системы в функции маркирования определенности, и вместо этого предлагает считать, что уральские и тюркские посессивные показатели на самом деле не являются маркерами определенности в том же смысле, что, например, германские или романские артикли. По ее мнению, ключевой функцией посессивных маркеров является не собственно референция (как в случае с европейскими артиклями), а **ассоциация**. Под ассоциацией понимается такое отношение, при котором элемент дискурса не имеет референциальной связи с конкретным объектом, упомянутым в предтексте (эксплицитно выраженный антецедент может совсем отсутствовать), но может быть соотнесен либо с упоминаемыми выше объектами на основе семантической общности (как при ассоциативной анафоре), либо с контекстной ситуацией как таковой (как при определенном маркировании в контексте локальной уникальности, см. (24)). При таком подходе требование обязательности употребления, предъявляемое к артиклям, снимается. Ниже мы покажем, что подход К. Фрауруд может быть применен в том числе к чувашским данным.

Как уже было обозначено во введении, единственным случаем, где использование показателя посессивности в функции маркера определенности категорически запрещается, является контекст с нереферентным участником. Так, в примере (17) маркирование запрещено при нереферентности в ирреалисе (*irrealis non-specific* по [Haspelmath 1997]), накладываемой местоименным комплексом *mënlë=de bolin* ‘какой-нибудь’:

- (17) *mënlë=de*   *bol-in*   *ëmët*   /*ëmëtc-ë
какой=и   быть-CONC   мечта   мечта-Р_3
por-ən=da   *por*
все-GEN=и   EX
‘Уж какая-нибудь мечта есть у каждого’.

В неопределенных контекстах картина менее однозначна: сконструированные примеры с показателем посессивности оцениваются носителями как не вполне приемлемые, но не запрещаются категорически, ср. пример (18=10).

- (18) *tëmle* *çin* /^{?/OK} *çin-ë* /^{?/OK} *çin-i* *on-a*
 какой-то человек человек-Р_3 человек-Р_3 он-OBJ
uže *tu-za*
 уже делать-CV_SIM
 ‘Какой-то человек уже сделал это’.

Относительная возможность использования показателей *-i* и *-ë* / *-ə* в неопределенных контекстах может рассматриваться как аргумент против традиционного подхода к подобным контекстам как к случаям употребления т. н. «категории выделения», принятого в [Павлов 1985: 13]⁹ и последующих работах.

Необычно, что обсуждаемый показатель принимают в том числе и местоимения с детерминативной семантикой. Так, в примере (19) показатель определенности присоединяется к определенному местоимению *ku* ‘этот’ (однако наличие аффикса не обязательно).

- (19) *ku* *sëte-ë* *jyç-se* *gaj-za*,
 этот молоко-Р_3 киснуть-CV_SIM идти-CV_SIM
kuj-ə /^{OK} *ku* *tëiber-rek*
 этот-Р_3 этот красивый-СМРР
 ‘Это молоко уже испортилось, а это — лучше’.

Кроме того, показатель определенности может маркировать личные имена людей и топонимы:

- (20) *ku* *ivan(-ë)* *nomaj pizmo çir-agan-ë*
 этот Иван-Р_3 много письмописать-РС_PRS-Р_3
lajək *arzin* *atça*
 хороший мужчина ребенок
 ‘Этот Иван, который пишет много писем, — хороший мальчик’.

Дальнейшее описание дистрибуции показателя определенности строится на основе контекстов из [Hawkins 1978 / 2015] и [Simonenko 2014], которые рассматриваются как диагностические

⁹ Под «категорией выделения» И. П. Павловым понимается такая «морфологическая категория, которая способствует той или иной части речи выделять субстанциональный объект, упомянутый ранее в речи или известный по контексту и ситуации, через его признак» [Павлов 1985: 13].

для показателей определенности. Контекст, где использование показателя определенности в малокарачкинском чувашском оказывается наиболее характерным, — **выбор из заданного множества**, как в примере (21):

- (21) *ebë laʒ-i këdy kor-d-əm.*
 я лошадь-P_3 стадо видеть-PST-1SG
për laʒ-i /^{OK}laʒa man
 один лошадь-P_3 лошадь я.GEN
bat-ŋ¹-a kil-të-ë
 у-P_3-OBJ идти-PST-3SG
 ‘Я увидел табун лошадей. Одна лошадь подошла ко мне’.

В данном типе контекста группа, из которой производится выбор, может быть неоднородна, а выделяемый участник не обязательно должен быть единичным. Так, в примере (22) ИГ *igë koʒagə* ‘две кошки’, маркированная показателем принадлежности 3-го лица, напрямую не упоминается в левом контексте и отсылает более чем к одному объекту. Подобные примеры доказывают, что показатель определенности возможен в контекстах выбора из определенной группы даже в отсутствие прямой референциальной отсылки (об анафорических употреблениях аффикса определенности см. ниже):

- (22) *man-ən nomaj tærdʒan bol-za no*
 я-GEN много животное быть-CV_SIM но
igë koʒag-ə /^{OK}koʒak man-ran
 два кошка-P_3 кошка я-ABL
tar-za
 убежать-CV_SIM
 ‘У меня было много животных, но две кошки скоро убежали’.

Появление показателя определенности невозможно в контекстах с глобальной и локальной уникальностью, принципиально исключающими возможность выбора из нескольких референтов. **Глобальной уникальностью** (*larger situation uses* в [Hawkins 2015 / 1978: 115]) обладают объекты, являющиеся единственными в своем роде (ср. *xøli* ‘солнце’ в примере (23)). Использование маркера определенности в подобных контекстах в малокарачкинском чувашском запрещено:

- (23) *xøʎi* / *xøʎ-ë *an-za*
 солнце солнце-Р_3 садиться-CV_SIM
var-za
 зарывать-CV_SIM
 ‘Солнце уже село’.

Локальная уникальность (*immediate situation uses* в [Hawkins 1978 / 2015: 110]), наоборот, свойственна референтам, которые являются единичными в строго специфицированном пространстве, общем для говорящего и слушающего в данный момент времени. Эффект определенности в данных употреблениях возникает из способности участников ситуации однозначно идентифицировать объект, о котором идет речь, в силу его уникальности в данной ситуации. В примере (24) именно к такому референту отсылает ИГ *jalda përden-për lafka* ‘единственный магазин в деревне’, однако использование маркера определенности в данном контексте недопустимо. Употребление показателя определенности возможно только при опущении модификатора *përden-për* ‘единственный’ с изменением интерпретации на ‘этот магазин, один из нескольких, еще закрыт’:

- (24a) *xalʎ* *sidzë* *seget* *andzak jal-da*
 сейчас семь час только деревня-LOC
për-den-për lafka / *lafk-i *oʒə* *mar*
 один-ABL-один лавка лавка-Р_3 открытый NEG_ASCR
 ‘Сейчас только семь утра, единственный в деревне магазин не открыт’.

- (24б) *xalʎ* *sidzë* *seget* *andzak jal-da*
 сейчас семь час но деревня-LOC
^{OK}*lafk-i* *oʒə* *mar*
 лавка-Р_3 открытый NEG_ASCR
 ‘Только семь утра, поэтому деревенский магазин (один из нескольких) не открыт’.

Кроме контекстов выбора из заданного множества, посессивный показатель 3-го лица в функции показателя определенности регулярно используется для анафорической отсылки к участникам, введенным в дискурс в предтексте. Так, в предло-

жении (25) показателем определенности маркируется повторное упоминание шубы:

- (25) *kəzal*   *ebë*   *kërək*   *il-d-ëm*
 этот.год   я   шуба   купить-PST-1SG
kërëg-ë   / *OK**kërək*   *pet*   *oçë-sker*
 шуба-P_3   шуба   очень   теплый-SUBST
 ‘В этом году я купила шубу. Шуба очень теплая’.

Пример (26) иллюстрирует случай употребления показателя определенности для референциальной отсылки в естественном нарративе — рассказе о жизни бабушки:

- (26) *vëzen*   *tadə*   *atca*
 они.GEN четыре   ребенок
coral-at: *igë*   *xër,*   *igë*   *ul.*
 рождаться- NPST[3SG]   два   девушка   два   сын
xalʹ   ***atc-i-zem***   *kil-ze*
 сейчас   ребенок-P_3-PL   идти-CV_SIM
pët-në   *ëndë*
 кончатся-PC_PST   уже
 ‘У них родилось четверо детей: две дочери и два сына. Сейчас дети умерли уже’.

В отношении обсуждаемого контекста и того, насколько функционал и семантика показателя определенности в малокарачкинском чувашском сравнимы с употреблением показателей определенности в артиклевых европейских языках, показателен пример (27). Несмотря на отсутствие значения определенности и даже референтности участника в описываемой ситуации, маркер посессива 3-го лица может присоединяться к существительному *jida* ‘собака’ при его повторном употреблении в данном речевом фрагменте. Это, стоит полагать, свидетельствует о том, что ключевой функцией показателя определенности в чувашском является не столько указание на известного и конкретного участника, сколько на участника, упомянутого в предшествующем дискурсе, что соотносится с теорией ассоциативной референции К. Фрауруд, описываемой выше.

- (27) *ep jəd-a il-eş-şĕn. ştobə ku*
 я собака-OBJ брать-PC_FUT-CSL чтобы этот
j#-i man-a sixla-t
 собака-P_3 я-OBJ охранять-NPST[3SG]
 ‘Я хочу купить собаку, чтобы эта собака меня охраняла’.

Так как из четырех основных семантических зон определительного маркера, выделенных Дж. Хокинзом [Hawkins 1978 / 2015: 106–130], — выбор из определенного множества (1), анафорическая отсылка (2), глобальная уникальность (3) и локальная уникальность (4) — малокарачкинский посессив 3-го лица регулярно используется в первых двух и никогда — в двух последних, можно предположить, какое семантическое основание объединяет две эти зоны. Наиболее вероятным таким основанием является возможность актуализации одного участника из нескольких доступных, которая является общей для контекстов выбора из множества и контекстов с анафорическим антецедентом: в первом случае осуществляется выбор одного объекта из заданной группы, во втором — одного уже упомянутого участника среди новых. В контекстах, предполагающих уникальность референта (как глобальную, так и локальную), компонент существования множества, из которого может быть произведен выбор, исключен.

Отдельным подтипом анафоры является т. н. ассоциативная анафора, или бриджинг (bridging). Согласно [Lyons 1999: 4–5], бриджинг представляет собой такой вид отсылки к предыдущему контексту, при котором референциальная связь между участниками устанавливается не в силу их кореферентности (как, например, в (27)), а в силу знаний говорящих о мире и о том, что называемые сущности связаны взаимными отношениями. Так, в примерах (28)–(29) участники *xĕr* ‘невеста’ и *colguc* ‘колодец’ не упомянуты непосредственно в предшествовавшем контексте, однако их появление «предсказано» конситуацией:

- (28) *ep ėner toj-ra bol-d-əm.*
 я вчера свадьба-LOC быть-PST-1SG
xĕr-ĕ pet xitre-tĕĕ
 девушка-P_3 очень красивый-COP_PST
 ‘Я был на свадьбе. Невеста была очень красивой’.

- (29) *ep su pat-nⁱ-a kari-əm.*
 я вода у-Р_3-OBJ уходить.PST-1SG
səlguz-ə /^{OK} səlguε tuli-ex
 колодец-Р_3 колодец полный-EMPH
 ‘Я пошел за водой. Колодец полный’.

При рассмотрении примера (28) можно было бы предположить, что на самом деле такого рода употребления могут интерпретироваться как посессивные (‘женихова невеста’, ‘свадьбина невеста’). Однако пример (30) ниже свидетельствует о запрете на экспликацию такого «закодированного» посессора без соответствующего изменения семантики сообщения на ‘его невеста’ ≈ ‘невеста моего друга’:

- (30) *ep ëner tuj-ra pol-d-əm.*
 я вчера свадьба-LOC быть-PST-1SG
on-ən xër-ë pit xitre-tëë
 он-GEN девушка-Р_3 очень красивый-COP_PST
 ‘Вчера я был на свадьбе {своего друга}. Его невеста была очень красивая’.
 *‘Вчера я был на свадьбе. Невеста была очень красивая’.

Возможность употребления чувашского посессива 3-го лица в контекстах с ассоциативной анафорой согласуется с обсуждаемой выше гипотезой К. Фрауруд об ассоциативной, а не референциальной определенности, выражаемой притяжательными показателями в уральских и алтайских языках.

В настоящем разделе была очерчена сфера употребления чувашского показателя посессивности 3-го лица в функции маркера референциального статуса с точки зрения типологии референциальных значений притяжательных аффиксов в других языках. На основании представленных данных можно сделать вывод, что употребление чувашского посессива обнаруживает параллели во многих уральских языках [Simonenko 2014], в связи с чем постулирование специальной «категории выделения» кажется как минимум излишним, по крайней мере на синхронном уровне.

5. Маркирование нулевой именной вершины ИГ

Как упоминалось во введении, показатель посессивности 3-го лица в чувашском языке может употребляться в именных группах с отсутствующей именной вершиной, при этом форма, маркированная этим показателем, приобретает характерные свойства существительного: способность изменяться по числу и падежу, а также занимать соответствующую синтаксическую позицию вершины именной группы, т. е. подвергается условной «синтаксической субстантивации». Приобретать субстантивные свойства посредством присоединения посессивного маркера 3-го лица в чувашском языке может довольно широкая группа словоформ: прилагательные, причастия, а также падежные формы существительных (31) и местоимений (32) с атрибутивным и адвербиальным значением, формы сравнительной степени прилагательных (33), числительные (34) и даже копулы *por* ‘есть’ (35) и *εok* ‘нет’ (см. (6)). При этом, как отмечалось во введении, маркирование посессивным показателем причастий настоящего времени и отрицательных причастий опционально, а в случае с остальными формами — обязательно:

- (31) *man=da xër*   *bor*   *poskil-ën=de xër*.
 я.GEN=и девушка   EX   сосед-GEN=и девушка
poskil-ën-i   / *poskil-ën   *pizək-rak*
 сосед-GEN-P₃   сосед-GEN   большой-CMPR
 ‘У меня и у соседа есть дочери. Соседова старше’.

- (32) *ep*   *xola-r-i-be*   / *xola-ra-ba
 я   город-LOC-P₃-INS   город-LOC-INS
*jal-d-i*¹⁰   *klub-a*   *kil-d-ëm*
 деревня-LOC-P₃   клуб-OBJ   идти-PST-1SG
 ‘Я пришел в сельский клуб с [человеком] из города (с городским)’.

¹⁰ Формы локативного падежа с показателем посессивности 3-го лица *-i* могут, кроме того, выступать в роли атрибутивного зависимого при именной вершине: *jal-d-i εin* ‘человек, который в городе’ ≈ ‘городской человек’, при этом присоединение показателя принадлежности к прилагательным в позиции приименного модификатора невозможно: *εamrək* / *εamræg-ə / *εamrək-i εin ‘молодой человек’.

- (33) *ebe igë laža kor-d-əm. san-ən-ni-e*
 я два лошадь видеть-PST-1SG ты-GEN-P_3-OBJ
 / **san-ən-e tada vaş-ən-ni-a*
 ты-GEN-OBJ и Вася-GEN-P_3-OBJ
 ‘Я видел двух лошадей — твою и Васину’.
- (34) *çylë-reg-ë / *çylë-rek ku këneke*
 высокий-CMPR-P_3 высокий-CMPR ЭТОТ книга
il-il-et
 брать-POT-NPST[3SG]
 ‘Тот, кто высокий, сможет достать эту книгу’.
- (35) *përe-mež-ë / *përe-meş pris il-et*
 один-ORD-P_3 один-ORD приз брать-NPST[3SG]
 ‘Первый получит приз’.
- (36) *kënege vol-agan ein [nomaj okca*
 книга читать-PC_PRS челове много деньги
por-in-dæn / *por-dan] pojan-rak
 EX-P_3-ABL EX-ABL богатый-CMPR
 ‘Человек, который читает книги, богаче того, у кого много денег’.

Представляется, что разница между отрицательными причастиями и причастиями настоящего времени и прилагательными, с одной стороны, и другими типами словоформ — с другой, может быть объяснена близостью первых к классу существительных. Так, прилагательные в чувашском слабо отделимы от существительных, т. е. большинство «прилагательных» таково, что одновременно означает и свойство, и носителя этого свойства (ср. *iltan* ‘золотой / золото’) [Павлов (отв. ред.) 1957: 62–63]. С точки зрения семантики, на статус прилагательных в большей степени претендуют лексемы со значением цвета или размера (ср. *çylë* ‘высокий’, но *çylëş* ‘высота’), поскольку обозначение признака для этих лексем, как ожидается, первостепенно [Там же]. Однако, судя по данным малокарачкинского говора, даже наиболее «прототипические» прилагательные синтаксически могут вести себя таким же образом, как обычные существительные (т. е. способны занимать позиции существительных без дополнительного субстантивного маркирования). Вместе с тем применительно к при-

частиям настоящего времени и отрицательным причастиям (на -mAn / -mEn) подобное основание привести затруднительно.

Важной особенностью, отличающей малокарачквинский говор от литературного языка, является то, что в качестве субстантиватора в данном идиоме широко используется не только аффикс *-i* (см. выше и [Ашмарин 1898: 165; Павлов (отв. ред.) 1957: 103]), но и алломорф посессивного показателя *-ə / -ë*. При этом, в отличие от контекстов, где алломорфы посессивного показателя используются в роли показателей определенности, в случае субстантивации распределение аффиксов только частично зависит от морфонологических свойств основы: с основами на гласный, подобно контекстам определенности, возможен исключительно показатель *-i*, в то время как с основами на согласный одинаково возможны оба аффикса (ср. в функции маркера определенности — только *-ə / -ë*), см. примеры (37)–(38) ниже:

- (37) *mən*   *сін*   *nomaj du-ma*
 большой   человек   много делать-INF
pël-et,   *pëdëk-i*   / *pëdëg-ë*
 знать-NPST[3SG]   маленький-P₃   маленький-P₃
vëren-et
 учиться-NPST[3SG]
 ‘Большой человек много умеет, маленький — всему учится’.

- (38) *obitëno vərəm*   *lentə xaklə*
 обычно длинный   лента дорогой
tər-at,   *mädəg-ə*   / *mädək-i*
 стоять-NPST[3SG]   короткий-P₃   короткий-P₃
jynë-rek
 дешевый-CMPR
 ‘Обычно длинная лента стоит дорого, а короткая — дешевле’.

Из примеров выше видно, что в малокарачквинском говоре оказываются возможны субстантивные формы и с одним, и с другим алломорфом, на первый взгляд, в одном и том же контексте. При этом важно, что формы на *-i* предпочтительны в контекстах выбора одного референта из множества. Например, высказывание ‘тот, кто пишет письмо, хороший’ может быть переведено двумя разными способами, представленными в примерах (39), однако

вариант (39б) употребляется преимущественно в случае, если речь идет об одном референте из обозначенной группы:

(39a) *pizmo*   *ɛir-agan-ë*   *lajək*
 письмо   писать-PC_PRS-P_3   хороший
 ‘Тот, кто пишет письмо, хороший’. {В комнате много человек или один.}

(39б) *pizmo*   *ɛir-agan-i*   *lajək*
 письмо   писать-PC_PRS-P_3   хороший
 ‘Тот, кто пишет письмо, хороший’. {В комнате много человек.}
 *‘Тот, кто пишет письмо, хороший’. {В комнате один человек.}

Как указывалось выше, именно этот контекст является одним из наиболее типичных для показателя определенности. При этом в контекстах с нереферентным участником употребление алломорфа *-i* с основами на согласный обычно невозможно (ср. запрет на употребление маркера определенности в нереферентном контексте в примере (40)):

(40) *mële=de pol-zan*   *simëz-ë*   / *simës-i
 какой=и быть-CV_ANT   зеленый-P_3   зеленый-P_3
olmuş   *ɛi-n-dze*   *ɛag-ən-za*
 яблоня   верх-P_3-LOC   вешать-REFL-CV_SIM
tər-at   *navernə*
 стоять-NPST[3SG]   наверное
 {Все яблоки в саду уже поспели, и их собрали.} ‘Но какое-нибудь зеленое еще висит, наверное’.

(41=17)   *mënlë=de*   *bol-in*   *ëmët*   / *ëmëtc-ë
                                   какой=и   быть-CONC   мечта   мечта-P_3
por-ən=da   *por*
 мечта-P_3   все-GEN=и EX
 ‘Уж какая-нибудь мечта есть у каждого’.

Наиболее логично рассматривать словоформы типа *pëdzek-i* как формы с двумя отдельными показателями для субстантивации и выделения, один из которых в соответствии с морфологическими закономерностями распределения аффиксов посессива

3-го лица элидируется при добавлении другого. При таком анализе субстантивированные формы на *-i*, обладающие в отличие от прилагательных на *-ə* семантикой определенности, следует рассматривать как образующиеся в два этапа: *pizak* ‘большой’ + *-ə* → *pizag-ə* ‘тот, кто большой’ + *-i* → *pizak-i* ‘тот, кто большой (среди маленьких) / этот самый большой’. Такой анализ, во-первых, соответствует модели словоформы, представленной на Рис. 1 (раздел 2), а во-вторых, согласуется с морфонологическими особенностями дистрибуции алломорфов посессивного аффикса, обсуждавшимися выше. Отсутствие озвончения (*pizag-ə* → *pizag-Ø* → *pizag-i) при таком анализе ожидаемо, потому что в слоге типа *_CV#*, где *V* — гласный неполного образования, при добавлении *-i* не происходит озвончения конечного согласного (см. Таблицу 1): *jidə* ‘собака’ — *jit-i* ‘его собака’.

Этот анализ позволяет сделать вывод о том, что в действительности морфонология показателя субстантивации в малокарачинском говоре не отличается от морфонологии показателя посессивности, а наблюдаемое различие в дистрибуции алломорфов (возможность употребления аффикса *-i* в несвойственном ему, на первый взгляд, морфонологическом контексте) объяснимо присутствием в обсуждаемых словоформах сразу двух показателей посессивности в различной функции.

Отдельно стоит обсудить возможность субстантивации некоторых падежных форм существительного, т. к. в этом случае производная словоформа получает возможность склоняться по падежам повторно, т. е. имеет место т. н. «множественное падежное маркирование» [Blake 2004 / 2001: 103] — явление, когда одна словоформа содержит несколько падежных маркеров. В чувашском формы с множественным падежным маркированием образуются от всех падежей, кроме объектного. Примеры (42)–(45) иллюстрируют множественное падежное маркирование для производных от локатива (42), генитива (43), аффикса директива, обычно присоединяющегося к показателю объектного падежа (44), и аффикса проприетива (45):

- (42) *xola-r-i-n*   *fotografi*
 город-LOC-P_3-GEN   фотография
 ‘фотография, принадлежащая кому-то из города’

- (43) – *kam-ən*   *xër-ë-n*   *çërë*   *por?*
кто-GEN   дочь-P_3-GEN   кольцо   EX
– *poskil-ën-ën-dze*   / *poskil-ën-in-dze*   *çërë*   *por*
сосед-GEN-P_3-LOC   сосед-GEN-P_3-LOC   кольцо EX
‘– У чьей дочери кольцо? – У соседской кольцо’.
- (44) *jal-a*   *kaj-agan*   *avtobus*   *bilete-ë*
деревня-OBJ   идти-PC_PRS   автобус   билет-P_3
xola-ja-l-in-dzen   *jon-rek*
город-OBJ-DIR-P_3-ABL   дешевый-CMPR
‘Билет на автобус, который едет в деревню, дешевле, чем на тот, который — в город’.
- (45) *maşinə-lə*   *çin*   *laça-l-in-dzan*
машина-PROP   человек   лошадь-PROP-P_3-ABL
pojan-rak
богатый-CMPR
‘Человек на машине богаче, чем тот, который на лошади’.

6. Сочетание нескольких показателей посессивности 3-го лица в одной словоформе

Как было упомянуто в разделе 2, в отличие от литературного чувашского, в малокарачкинском говоре регулярно употребляются словоформы, которые, на наш взгляд, содержат в себе более чем один показатель посессивности 3-го лица. В Таблице 2 представлены обнаруженные стратегии сочетания нескольких маркеров посессива 3-го лица в одной словоформе.

Таблица 2. Модель словоформы с несколькими показателями посессивности

Table 2. The model of the wordform with multiple possessive suffixes

1-й показатель	2-й показатель	
	Посессивность	Определенность
Субстантивация	– / +	+
Посессивность	/	+
Определенность	/	+

Из Таблицы 2 видно, что в малокарачкинском говоре допустимо сочетание до двух маркеров посессива в одной словоформе

(см. модель словоформы в разделе 3 выше), при этом показатель со значением определенности может присоединяться к субстантивированным формам, формам с показателями посессива 2-го лица¹¹, а также формам, уже маркированным показателем определенности. Возможность присоединения притяжательного показателя к форме с маркером субстантивации является несколько более спорной и обсуждается в разделе 6.2.

6.1. Субстантивация + определенность

Отдельное выражение значений субстантивации и определенности в одной словоформе, как указано в Таблице 2, возможно и довольно продуктивно, насколько можно судить по опыту элицитации. Примеры такого употребления содержатся в (46) и (47).

В (46) первый показатель посессивности в словоформе *xor-ij-ĕ* отвечает за субстантивацию прилагательного *xora* ‘черный’, в то время как второй (закономерно принимающий форму *-ĕ* при присоединении к форме на *-i*) выражает определенность участника в контексте выбора из множества (наиболее типичный контекст употребления аффикса посессивности 3-го лица в роли показателя дискурсивного статуса (см. раздел 4)):

- (46) *korda*   *ci-n-dze*   *xora-ba*
забор   верх-P₃-LOC   черный-INS
gora   *kozak*   *lar-ateä.*
белый   кошка   сидеть-NPST.3PL
xor-ij-ĕ   / [?]*xor-i*   *ĕvæn-at*
черный-P₃-P₃   черный-P₃   умываться-NPST-3SG
‘На заборе сидели черный и белый кот. Черный умывался’.

Поскольку субстантивация прилагательных не является обязательной, несколько более доказательным является пример с субстантивацией падежной формы в (47):

- (47) *ea*   *xola-r-ij-ĕ-zĕn*   *ep*
этот   город-LOC-P₃-P₃-CSL   я

¹¹ Показатель посессивности 1-го лица используется в малокарачкском говоре очень ограниченно — главным образом, для выражения ласкательного значения. Формы, совмещающие в себе показатели посессива 1-го и 3-го лица, в изучаемом говоре не употребляются.

pəzərgan-a-p

беспокоиться-PRS-1SG

‘Я беспокоюсь именно за этого городского {среди всех}’.

В (47) первый аффикс принадлежности в словоформе *xola-r-ij-ë-zën* отвечает за субстантивацию адвербиальной формы *xolara* ‘в городе’, в результате которой получается прономинальное референциальное выражение *xola-r-i* ‘тот, кто в городе / городской’, а второй маркирует определенность в контексте выбора из группы. Таким образом, формы с двойным показателем структурно оказываются устроены так же, как формы со слившимися последовательностями аффиксов, разобранные в разделе 5.

6.2. Субстантивация + посессивность

В данном подразделе анализируются формы с двойным показателем принадлежности 3-го лица типа *şor-ij-ë* из примера (48). В примере (48а) в форме *şor-ij-ë* первый показатель посессива логичнее всего трактовать как показатель, отвечающий за субстантивацию прилагательного *şorə* ‘белый’. Следовательно, второй аффикс в этой словоформе маркирует принадлежность 3-му лицу, в сочетании с приименным генитивом *vasi-ən* ‘Васин’ составляя посессивную конструкцию, аналогичную представленной в (48б). То, что в указанном контексте возможна в том числе и форма с одним показателем — *vasi-ən şor-i* ‘Васина белая’, объясняется необязательностью субстантивации прилагательных, обсуждавшейся выше.

(48а) *vasi-ən*   *mënle=de*   *bol-in*
 Вася-GEN   какой=и   быть-CONC
şor-ij-ë   / *şor-i*   *san-a kaj-at*
 белый-Р_3-Р_3   белый-Р_3   ты-OBJ идти-NPST[3SG]
 {Я ищу рубашку.} ‘Какая-нибудь Васина белая тебе подойдет’.

(48б) *mënle=de*   *bol-in*   *vasi-ən*   *këb-i*
 какой=и   быть-CONC   Вася-GEN   рубашка-Р_3
 / *këbe san-a   *kaj-at*
 рубашка ты-OBJ   идти-NPST[3SG]
 {Я ищу рубашку.} ‘Какая-нибудь Васина рубашка тебе подойдет’.

Вместе с тем важно, что субстантивированные формы никогда не маркируются, например, аффиксом посессивности 2-го лица:

(49а) *san-ən kĕbe* / ^{OK}*kĕb-u*
 ты-GEN рубашка рубашка-P_2SG
man-a kaj-at
 я-OBJ идти-NPST[3SG]
 ‘Твоя рубашка мне пойдет’.

(49б) *san-ən sor-i* / **sor-ij-u*
 ты-GEN белый-P_3 белый-P_3-P_2SG
man-a kaj-at
 я-OBJ идти-NPST[3SG]
 ‘Твоя белая (рубашка) мне пойдет’.

Это обстоятельство, с одной стороны, является аргументом против того, чтобы трактовать примеры, подобные *sor-ij-ĕ* из (48а), как словоформы, совмещающие в себе показатели субстантивации и посессивности. Между тем сочетаемость показателей посессивности разных лиц может быть различна. Такая возможность связана прежде всего с тем, что притяжательные показатели 2-го лица в малокарачкинском чувашском не только не являются обязательными, но вообще употребляются довольно редко (см. [Ремизова 2018]), в то время как показатели 3-го лица на обладаемом в посессивных конструкциях обязательны [Там же]. Таким образом, возможность выражения категорий субстантивации и посессивности в одной словоформе в малокарачкинском говоре не бесспорна, но и не может быть опровергнута на основе имеющихся в настоящий момент данных. Между тем справедливо было бы отметить, что словоформы типа *sor-ij-ĕ* возможно трактовать в том числе и как словоформы с аффиксом принадлежности и дополнительно выраженной определенностью (см. ниже), поскольку, как неоднократно замечалось выше, субстантивация прилагательных не является обязательной.

6.3. Посессивность + определенность

В примерах (50)–(51) представлены случаи употребления показателя определенности вместе с аффиксами принадлежности 2-го (50) и 3-го (51) лица:

- (50) *ep olitəə-ra san jidə*
 я улица-LOC ты.GEN собака
kor-d-əm. san jidə /^{OK}jit-uj-ə
 видеть-PST-1SG ты.GEN собака / собака-P_2SG-P_3
vër-me poçla-r-ë
 лаять-INF начинать-PST-3SG
 ‘Я на улице увидел твою собаку. Твоя собака начала лаять’.
- (51) *ebë igë laza kor-d-əm.*
 я два лошадь видеть-PST-1SG
san-ən-nⁱ-e tada vasi-ən-nⁱ-a.
 ты-GEN-P_3-OBJ и Вася-GEN-P_3-OBJ
vasi-ən laz-ij-ë / laz-i man
 Вася-GEN лошадь-P_3-P_3 лошадь-P_3 я.GEN
bat-nⁱ-a kil-tə-ë
 у-P_3-OBJ идти-PST-3SG
 ‘Я видел двух лошадей — твою и Васину. Васина лошадь подошла ко мне’.

Как и во всех случаях употребления показателя определенности в малокарачкинском говоре, маркирование ИГ этим показателем в примерах выше не является обязательным, но сама возможность употребления двух показателей посессивности в одной словоформе показательна в связи с обсуждавшейся в разделе 2 моделью словоформы и вопросом об отнесении малокарачкинского говора (и, шире, чувашского языка вообще) к языкам, обладающим системами с атрибутивными или детерминативными посессивами. Примеры (50)–(51) свидетельствуют о том, что посессивы в малокарачкинском говоре правильнее относить к классу атрибутивных, поскольку отдельное выражение посессивности и определенности в этом изучаемом идиоме возможно.

6.4. *Определенность + определенность*

Особой чертой малокарачкинского говора (по крайней мере, не отмечающейся для литературного языка в известных нам грамматических описаниях) является возможность двойного маркирования определенности в одной словоформе в контексте эмфатического фокуса:

-i и *-ë / -ə* в непосессивных контекстах в малокарачкинском говоре чувашского языка. На основе представленных данных возможно сделать следующий вывод. Постулирование отдельной «категории выделения» для дискурсивных употреблений посессивного показателя 3-го лица, а также употреблений этого аффикса в функции маркера именных групп с нулевой субстантивной вершиной мы считаем излишним по двум причинам. Во-первых, как было показано в разделе 4, дискурсивные употребления показателя посессивности 3-го лица в чувашском оказываются типологически параллельны наблюдаемым свойствам притяжательных аффиксов в нескольких языковых семьях (по крайней мере, уральской и семитской), а также в редуцированной форме в некоторых других тюркских языках (см. диахронические данные для турецкого в [Fraurud 2001]). Так, чувашский посессив 3-го лица в функции маркера определенности используется в контекстах выбора из заданного множества, при анафорической отсылке к выраженному антецеденту в предтексте, а также при ассоциативной анафоре. Однако во всех этих контекстах этот показатель не является обязательным, что в целом также соотносится с типологически наблюдаемыми свойствами референциальных употреблений посессивов. Во-вторых, распределение показателей *-i* и *-ë / -ə* во всех контекстах объяснимо требованиями морфонологии. Единственный обнаруженный нами случай, где это требование на первый взгляд нарушается, — субстантивация прилагательных, описанная в разделе 5. Однако и при этом не ожидаемое присутствие показателя *-i* в основах на согласный может быть объяснено наличием в таких словоформах сразу двух аффиксов посессивности 3-го лица, один из которых отвечает за субстантивацию, а другой — за выражение дискурсивных значений. Возможность присутствия в малокарачкинских словоформах более чем одного аффикса принадлежности с разными функциями была доказана нами в разделе 6. В этом же разделе были представлены до сегодняшнего дня не описанные факты возможности т. н. двойного маркирования определенности посредством показателя посессивности 3-го лица в чувашском языке.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; 3 — посессивный показатель 3-го лица (тубаларский); ABL — аблатив; CMPR — компаратив; CONC — концессив; COP_PST — копула прошедшего времени; CSL — казуалис; CV_ANT — деепричастие с антериорным значением; CV_SIM — деепричастие со значением одновременности; EMPH — эмфатическая частица; EX — существование; FUT — будущее время; GEN — генитив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; LOC — локатив; NEG — отрицание; NEG_ASCR — аскриптивное отрицание; NEG_EX — экзистенциональное отрицание; NPST — непрошедшее время; OBJ — объектный падеж; ORD — порядковое числительное (тубаларский); P_2SG — посессивность 2-го лица единственного числа; P_3 — посессивность 3-го лица; PC_PRS — причастие настоящего времени; PC_FUT — причастие будущего времени; PC_PST — причастие прошедшего времени; PFCT — перфектив (тубаларский); PL — множественное число; POT — потенциалис; PROP — проприетив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; SG — единственное число; SUBST — субстантиватор; VBZ — вербализатор.

Литература

- Андреев 1965 — И. А. Андреев. О категории дефинитивности в чувашском языке // Ученые записки. № 28. Чебоксары: Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР, 1965. С. 76–87.
- Ашмарин 1898 — Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типо-Литография Императорского Университета, 1898.
- Гращенко 2009 — П. В. Гращенко. Синтаксис конструкций с плавающими кванторами в тубаларском // С. Г. Татевосов (ред. и сост.). Тубаларские этюды. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 151–168.
- Дыбо 2006 — А. В. Дыбо. Очерк пратюркского языка-основы. Имя // Э. Р. Тенищев, А. В. Дыбо (отв. ред.). Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. С. 228–239.
- Иванов 1970 — А. И. Иванов. Об относительной хронологии некоторых аффиксов и грамматических форм чувашского языка // Ученые записки. № 49. Чебоксары: Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР, 1970. С. 61–91.

- Кузнецова 2012 — А. И. Кузнецова. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // А. И. Кузнецова (отв. ред.). Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. Сб. статей. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 250–252.
- Кузьменко 2014 — Ю. К. Кузьменко. К типологии суффиксации определенных артиклей // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. М.: МГТУ им. М. А. Шолохова, 2014. С. 84–119.
- Левитская 1976 — Л. С. Левитская. Историческая морфология чувашского языка. М: Наука, 1976.
- Лютикова 2016 — Е. А. Лютикова. Синтаксис именной группы в безартиклевом языке. Дисс. ... докт. филол. наук. Т. 1. МГУ им. М. В. Ломоносова, М., 2016.
- Павлов (отв. ред.) 1957 — И. П. Павлов (отв. ред.). Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1: Морфология. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1957.
- Павлов 1985 — И. П. Павлов. Категория выделения в современном чувашском языке // И. П. Павлов (отв. ред.). Исследования по фонетике, морфологии и фразеологии современного чувашского языка. Сб. статей. Чебоксары: Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР, 1985. С. 3–15.
- Ремизова 2018 — Т. Е. Ремизова. Посессивные маркеры и посессивные конструкции в малокарачкинском говоре чувашского языка. Отчет о работе в экспедиции НИУ ВШЭ Санкт-Петербург в с. Малое Карачкино Чувашской Республики, 2018.
- Сергеев 2002 — В. И. Сергеев. Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. Чебоксары: Изд-во Чувашского гос. ун-та, 2002.
- Сердобольская 2017 — Н. В. Сердобольская. Инвариант определенности и дифференцированное маркирование в бесермянском удмуртском // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2017. Т. XIII. Ч. 3. С. 76–122.
- Федотов 1970 — М. Р. Федотов. Формы принадлежности 1-го и 3-го лица единственного числа в тюркских и финно-угорских языках в свете урало-алтайской языковой общности // Ученые записки № 49. Чебоксары: Научно-исследовательский институт языка,

- литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР, 1970. С. 177–183.
- Федотов 1983 — М. Р. Федотов. Чувашский язык в семействе алтайских языков. Чебоксары: Чебоксарское книжное изд-во, 1983.
- Aikhenvald, Dixon 2013 — A. Aikhenvald, R. W. M. Dixon. Possession and Ownership. A Cross-linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Benzing 1959 — J. Benzing. Das Tschuwaschische. J. Deny, K. Grönbech, H. Scheel, Z. V. Togan (eds.). *Philologiae turcae fundamenta*. T. I. Wiesbaden: Steiner, 1959. S. 695–751.
- Blake 2004 — B. Blake. Case. 2nd ed. in printed format. Cambridge; New York, NY: Cambridge University Press, 2004. (1st printed ed.: 2001).
- Bybee 1985 — J. L. Bybee. Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1985.
- Chafe 1980 — W. Chafe (ed.). The Pear Stories: Cognitive, Cultural, and Linguistic Aspects of Narrative Production. (Advances in Discourse Processes 3). Norwood, NJ: Ablex, 1980.
- Erdal 2004 — M. Erdal. A Grammar of Old Turkic. Leiden; Boston: Brill, 2004.
- Fraurud 2001 — K. Fraurud. Possessives with Extensive Use: A Source of Definite Articles? // I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen (eds.). Dimensions of Possession. (Typological Studies in Language 47). Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 243–268.
- Giannakidou, Stravou 1999 — A. Giannakidou, M. Stravou. Nominalization and Ellipsis in the Greek DP // *The Linguistic Review*. 1999. № 16. P. 97–132.
- Giorgi, Longobardi 1991 — A. Giorgi, G. Longobardi. The Syntax of Noun Phrases: Configuration, Parameters and Empty Categories. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Hankamer, Sag 1976 — J. Hankamer, I. Sag. Deep and Surface Anaphora // *Linguistic Inquiry*. 1976. Vol. 7. № 3. P. 391–428.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. Indefinite Pronouns. Oxford: Clarendon Press, 1997.
- Hawkins 2015 — J. Hawkins. Definiteness and Indefiniteness. A Study in Reference and Grammaticality Prediction. London: Routledge, 2015. (1st ed.: Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1978).
- Huehnergard, Pat-El 2012 — J. Huehnergard, N. Pat-El. Third-person Possessive suffixes as definite articles in Semitic // *Journal of Historical Linguistics*. 2012. Vol. 2. № 1. P. 25–51.
- Lehman 2002 — C. Lehman. Thoughts on Grammaticalization. 2nd, rev. ed. (Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft der Universität Erfurt). Erfurt: Universität Erfurt, 2002. (1st ed.: 1982).

- Luutonen 2011 — J. Luutonen. Chuvash Syntactic Nominalizers: On *-ki* and Its Counterparts in Ural-Altai Languages. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011.
- Lyons 1999 — C. Lyons. Definiteness. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Nichols 1986 — J. Nichols. Head-marking and Dependent-marking Grammar // *Language*. 1986. Vol. 62. № 1. P. 56–119.
- Ramstedt 1952 — G. Ramstedt. Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft. II. Formenlehre. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 104, 2). Helsinki: Finno-Ugric Society, 1952.
- Saab 2018 — A. Saab. Nominal ellipsis // J. van Craenenbroeck, T. Temmerman (eds.). *The Oxford Handbook of Ellipsis*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 526–561.
- Simonenko 2014 — A. Simonenko. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers // H.-L. Huang, E. Poole, A. Rysling (eds.). *NELS 43: Proceedings of the Forty-Third Annual Meeting of the North East Linguistic Society, The City University of New York*. Amherst, MA: GLSA, 2014. Vol. 2. P. 127–140.
- Wunderlich, Fabri, 1994 — D. Wunderlich, R. Fabri. Minimalist morphology: An approach to inflection // *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 1994. № 20. P. 236–294.

References

- Aikhenvald, Dixon 2013 — A. Aikhenvald, R. W. M. Dixon. *Possession and Ownership. A Cross-linguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Andreyev 1965 — I. A. Andreyev. O kategorii definitivnosti v chuvashskom yazyke [On the category of definitivnost in Chuvash]. *Uchenyye zapiski*. No. 28. Cheboksary: Research Institute for language, literature, history and economics under the Council of Ministers of Chuvash ASSR, 1965. P. 76–87.
- Ashmarin 1898 — N. I. Ashmarin. *Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka* [Materials for Study of Chuvash]. Kazan: Typolithography of Emperor's University, 1898.
- Benzing 1959 — J. Benzing. Das Tschuwaschische. J. Deny, K. Grönbech, H. Scheel, Z. V. Togan (eds.). *Philologiae turcicae fundamenta*. T. I. Wiesbaden: Steiner, 1959. S. 695–751.
- Blake 2004 — B. Blake. *Case*. 2nd ed. in printed format. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2004. (1st printed ed.: 2001).
- Bybee 1985 — J. L. Bybee. *Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1985.

- Chafe 1980 — W. Chafe. *The Pear Stories: Cognitive, Cultural, and Linguistic Aspects of Narrative Production*. (Advances in Discourse Processes 3). Norwood, NJ: Ablex, 1980.
- Dybo 2006 — A. V. Dybo. *Oчерk pratyurkского yazyka-osnovy*. Imya [Description of Proto-Turkic language. Noun]. E. R. Tenishchev, A. V. Dybo (eds.). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkского etnosa po dannym yazyka*. [Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Proto-Turkic Language-Base. The World View of the Turkic Ethnos Based on the Language Data]. Moscow: Nauka, 2006. P. 228–239.
- Erdal 2004 — M. Erdal. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston: Brill, 2004.
- Fedotov 1970 — M. R. Fedotov. *Formy prinadlezhnosti 1-go i 3-go litsa edinstvennogo chisla v tyurkskikh i finno-ugorskikh yazykakh v svete uralo-altayskoy obshchnosti* [1st and 3rd person possessive forms in Turkic and Finno-Ugric languages in the light of Ural-Altai language commonality]. *Uchenyye zapiski*. No. 49. Cheboksary: Research Institute for language, literature, history and economics under the Council of Ministers of Chuvash ASSR, 1970. P. 177–183.
- Fedotov 1983 — M. R. Fedotov. *Chuvashskiy yazyk v semeystve altayskikh yazykov* [Chuvash among Altaic Languages]. Cheboksary: Cheboksarskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1983.
- Fraurud 2001 — K. Fraurud. *Possessives with Extensive Use: A Source of Definite Articles?* I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen (eds.). *Dimensions of Possession*. (Typological Studies in Language 47). Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 243–268.
- Giannakidou, Stravrou 1999 — A. Giannakidou, M. Stravrou. *Nominalization and Ellipsis in the Greek DP*. *The Linguistic Review*. 1999. No. 16. P. 97–132.
- Giorgi, Longobardi 1991 — A. Giorgi, G. Longobardi. *The Syntax of Noun Phrases: Configuration, Parameters and Empty Categories*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Grashchenkov 2009 — P. V. Grashchenkov. *Sintaksis konstruktsey s plavayushchimi kvantorami v tubalarskom* [Syntax of constructions with floating quantifiers in Tubalar]. S. G. Tatevosov (ed.). *Tubalarskiye etyudy* [Essays on Tubalar]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature RAS, 2009. P. 151–168.
- Hankamer, Sag 1976 — J. Hankamer, I. Sag. *Deep and Surface Anaphora*. *Linguistic Inquiry*. 1976. Vol. 7. No. 3. P. 391–428.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *Indefinite Pronouns*. Oxford: Clarendon Press, 1997.

- Hawkins 2015 — J. Hawkins. *Definiteness and Indefiniteness. A Study in Reference and Grammaticality Prediction*. London: Routledge, 2015. (1st ed.: Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1978).
- Huehnergard, Pat-El 2012 — J. Huehnergard, N. Pat-El. Third-person possessive suffixes as definite articles in Semitic. *Journal of Historical Linguistics*. 2012. Vol. 2. No. 1. P. 25–51.
- Ivanov 1970 — A. I. Ivanov. Ob otnositelnoy khronologii nekotorykh grammaticheskikh form chuvashskogo yazyka [On the relative chronology of some grammatical forms in Chuvash]. *Uchenyye zapiski*. No. 49. Cheboksary: Research Institute for language, literature, history and economics under the Council of Ministers of Chuvash ASSR, 1970. P. 61–91.
- Kuzmenko 2014 — Yu. K. Kuzmenko. K tipologii suffiksatsii opredelennykh artikley [Towards a typology of definite article suffixation]. E. A. Lyutikova, A. V. Zimmerling, M. B. Konoshenko (eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii "Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2014"* [Typology of Morphosyntactic Parameters. Proceedings of the International Conference "Typology of Morphosyntactic Parameters 2014"]. Moscow: M. A. Sholokhov Moscow State University of Humanities, 2014. P. 84–119.
- Kuznetsova 2012 — A. I. Kuznetsova. Kumulyatsiya grammaticheskikh znacheniy v agglutinativnykh pokazatelyakh: deikticheskiye funktsii possessiva v uralskikh yazykakh [Cumulation of grammatical meanings in agglutinative affixes: Deictic functions of possessive marker in Uralic languages]. A. I. Kuznetsova (ed.). *Finno-ugorskiye yazyki: Fragmentsy grammaticheskogo opisaniya* [Finno-Ugric Languages: Fragments of Grammar Description. Formal and Functional Approaches]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2012. P. 250–252.
- Lehman 2002 — C. Lehman. *Thoughts on Grammaticalization*. 2nd, rev. ed. (Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft der Universität Erfurt). Erfurt: Universität Erfurt, 2002. (1st ed.: 1982).
- Levitskaya 1976 — L. S. Levitskaya. *Istoricheskaya morfologiya chuvashskogo yazyka* [Historical Morphology of Chuvash]. Moscow: Nauka, 1976.
- Luutonen 2011 — J. Luutonen. *Chuvash Syntactic Nominalizers: On -ki and Its Counterparts in Ural-Altai Languages*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011.
- Lyons 1999 — C. Lyons. *Definiteness*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Lyutikova 2016 — E. A. Lyutikova. *Sintatsis imennoy gruppy v bezartiklevom yazyke* [Syntax of noun phrase in a language without articles]. Thesis for Doctor in Philology. Vol. 1. M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, 2016.

- Nichols 1986 — J. Nichols. Head-marking and Dependent-marking Grammar. *Language*. 1986. Vol. 62. No. 1. P. 56–119.
- Pavlov (ed.) 1957 — I. P. Pavlov (ed.). Materialy po grammatike sovremenogo chuvashskogo yazyka [Materials on the Grammar of Modern Chuvash]. Pt. 1: Morfologiya [Morphology]. Cheboksary: Chuvashskoye gosudarstvennoye izdatelstvo, 1957.
- Pavlov 1985 — I. P. Pavlov. Kategoriya vydeleniya v sovremennom chuvashskom yazyke [The category of emphasis in modern Chuvash]. I. P. Pavlov (ed.). *Issledovaniya po fonetike, morfologii i frazeologii sovremenogo chuvashskogo yazyka* [Studies on the Phonetics, Morphology and Phraseology of Modern Chuvash]. Collection of articles. Cheboksary: Research Institute for language, literature, history and economics under the Council of Ministers of Chuvash ASSR, 1985. P. 3–15.
- Ramstedt 1952 — G. Ramstedt. Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft. II. Formenlehre. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 104, 2). Helsinki: Finno-Ugric Society, 1952.
- Remizova 2018 — T. E. Remizova. Possessivnyye markery i possessivnyye konstruksii v malokarachkinskom govore chuvashskogo yazyka [Possessive markers and possessive constructions in Maloe Karachkino dialect of Chuvash]. Report on the results of the expedition of NRU HSE St. Petersburg in Maloe Karachkino of Chuvash Republic, 2018.
- Saab 2018 — A. Saab. Nominal ellipsis. J. van Craenenbroeck, T. Temmerman (eds.). *The Oxford Handbook of Ellipsis*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 526–561.
- Sergeyev 2002 — V. I. Sergeyev. Morfologicheskiye kategorialnyye i nekategorialnyye formy v sovremennom chuvashskom yazyke [Categorical and Non-categorical Morphological Forms in Modern Chuvash]. Cheboksary: Chuvash State University Press, 2002.
- Serdobolskaya 2017 — N. V. Serdobolskaya. Invariant opredelennosti i differentsirovannoye markirovaniye v besermyanskom udmurtskom [Uniqueness and familiarity in Beserman Udmurt direct object marking]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistsicheskikh issledovaniy RAN*. 2017. Vol. XIII. Pt. 3. P. 76–122.
- Simonenko 2014 — A. Simonenko. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers. H.-L. Huang, E. Poole, A. Rysling (eds.). *NELS 43: Proceedings of the Forty-Third Annual Meeting of the North East Linguistic Society, The City University of New York*. Amherst, MA: GLSA, 2014. Vol. 2. P. 127–140.
- Wunderlich, Fabri 1994 — D. Wunderlich, R. Fabri. Minimalist morphology: An approach to inflection. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 1994. No. 20. P. 236–294.